

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 4 (71)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лакельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бegaзы-Тасмола (Казахстан); Валь Й., PhD, О-во охраны памятников
Штутгарта (Германия); Зимина О.Ю., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ун-т Гетеборга; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Федоров Р.Ю., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 4 (71)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Göteborgs Universitet (Göteborg, Sweden)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Fedorov R.Yu., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Zimina O.Yu., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Аношко О.М.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, ул. Червишевский тракт, 13, Тюмень, 625008
E-mail: oKanoшко@yandex.ru

ЧУКМАНСКИЙ РАСКОП В ТОБОЛЬСКЕ

Данная публикация является продолжением серии статей, посвященных введению в научный оборот материалов археологических исследований культурного слоя первого русского губернского города Сибири — Тобольска. На площади Чукманского раскопа, заложенного в юго-восточной части мыса Чукман, помимо разновременных острожных укреплений был исследован участок верхнего посада с жилищно-хозяйственной застройкой. Комплексный анализ археологических, исторических и картографических источников позволил выявить особенности планировочной структуры данной территории на протяжении XVII–XVIII вв. и ее постепенное превращение в рекреационную зону в XIX в., существующую до сих пор. В результате анализа полученных находок можно сделать вывод, что жители мыса имели достаточно высокий уровень материального достатка: в некоторых домах даже были установлены дорогие изразцовые печи.

Ключевые слова: Тобольск, верхний посад, XVII–XIX вв., жилые и хозяйственные сооружения, рекреационная зона, артефакты.

Александру Васильевичу Матвееву посвящается

Ссылка на публикацию: Аношко О.М. Чукманский раскоп в Тобольске // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 4. С. 103–115. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-71-4-8>

Введение

В изучение первых русских городов Сибири А.В. Матвеев вложил немало усилий. Под его руководством в 2005 г. были возобновлены исследования культурного слоя Тюмени, а в последние годы жизни ученый активно сотрудничал с местными органами власти с целью организовать превентивные охранные раскопки широкими площадями на местах строительства в историческом центре Тобольска. До этого исследования здесь велись в очень ограниченных объемах и носили экстренный характер. А.В. Матвеев, страстно увлеченный проблематикой бронзового века, не без сомнений обратился к изучению Тобольска, и не сразу культурный слой этого города стал восприниматься им как действительно значимый археологический объект. Однако работы, начатые им в Тобольске и подхваченные его учениками и коллегами, по сути заново открыли для археологии и широкой общественности первый губернский город Сибири. Впоследствии Александр Васильевич неоднократно называл Тобольск «Сибирским Новгородом» — за прекрасную сохранность органики, разнообразие построек и насыщенность артефактами культурного слоя, за их историко-культурную ценность. Полученные археологические материалы подтверждают ключевую роль этого города в период освоения русскими Сибири. Процесс введения материалов в научный оборот продолжается, чему посвящена и настоящая публикация.

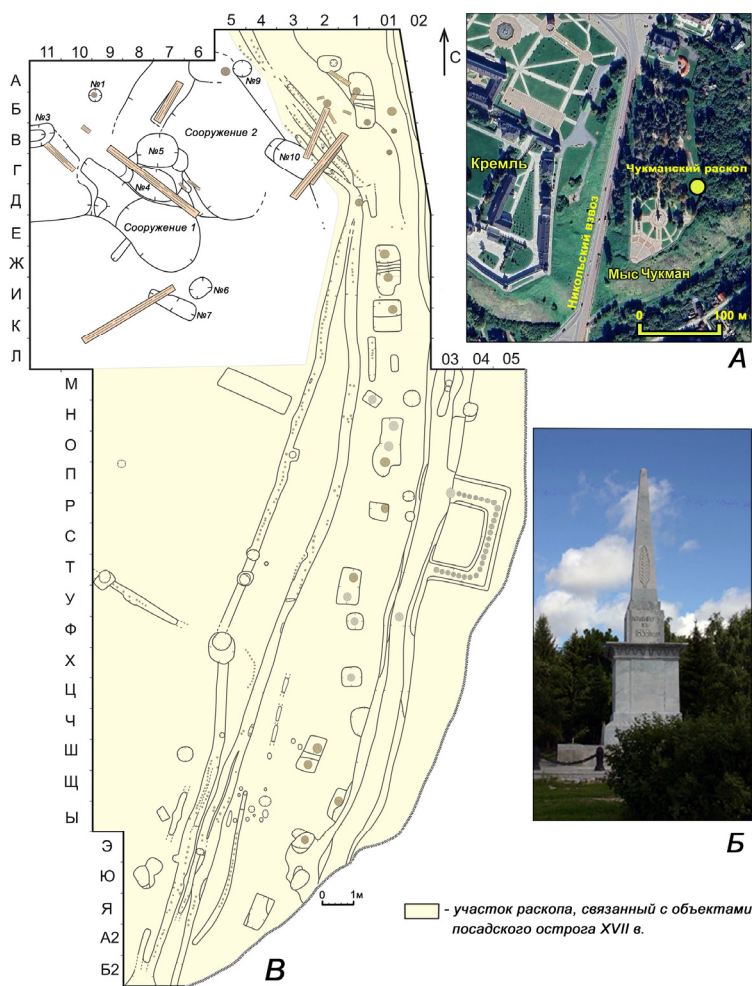
Нагорная историческая часть Тобольска занимает три мыса высокой коренной террасы Иртыша. Главные административные и религиозные строения, образовывавшие в старину его городскую часть, разместились на западном, Вознесенском, и центральном, Троицком, мысах. За этими постройками в северном и северо-восточном направлениях располагалась верхнепосадская территория, которая расширяется и в настоящее время. Восточный, Чукманский мыс не стал частью так называемого Ладейного города и считался периферийным (рис. 1, А).

Изыскания историков дают общие представления о застройке мыса Чукман, а исследования археологов, начатые в конце прошлого столетия, их дополняют и расширяют. Во-первых, раскопками 2012 г. подтверждены сведения М.С. Знаменского и И.Я. Словцова о том, что на оконечности этого мыса еще в раннем железном веке существовало городище, оборонительная система которого состояла из рва и двух валов [Матвеев, 2013; Адамов, Турова, 2017].

Во-вторых, археологические раскопки помогли уточнить место расположения каменной Никольской церкви, возведенной в 1744 г. и разобранный в конце 1930-х г., а также приходского кладбища, функционировавшего при деревянном храме, построенном в основании мыса в 1602 г. В 1970 г. И.А. Сыркина вдоль его западного склона со стороны Никольского взвоза исследовала

несколько погребений, в которых костяки были завернуты в бересту, а в 2012 г. — в северо-западной части мыса в раскопе площадью 34,3 м² А.В. Матвеевым совместно с тобольскими археологами было выявлено 47 погребений в деревянных колодах и гробах, а также участок фундамента и часть стены предполагаемой алтарной апсиды каменной Никольской церкви [Матвеев, 2013; Данилов, 2014]. При этом археологическими исследованиями установлено, что значительная часть погребений XVII в., как и предполагаемое место нахождения деревянного храма, были уничтожены в 1824 г. при строительстве Никольского взвоза.

В-третьих, в 2008–2009 гг. О.М. Аношко обнаружены и изучены оборонительные посадские сооружения XVII в., проходившие, по данным исторических источников, по южному и восточному краям мыса Чукман. Ранние фортификации были представлены узкими и неглубокими канавками с древесным тленом от столбов, диаметр которых не превышал 20–25 см, а самая поздняя оборонительная линия (1688 г.) — тыновой стеной, в глубокой канаве, с помостом.

Рис. 1. Чукманский раскоп в Тобольске:

А — расположение раскопа на мысу Чукман; Б — памятник атаману Ермаку; В — план раскопа на уровне материка.

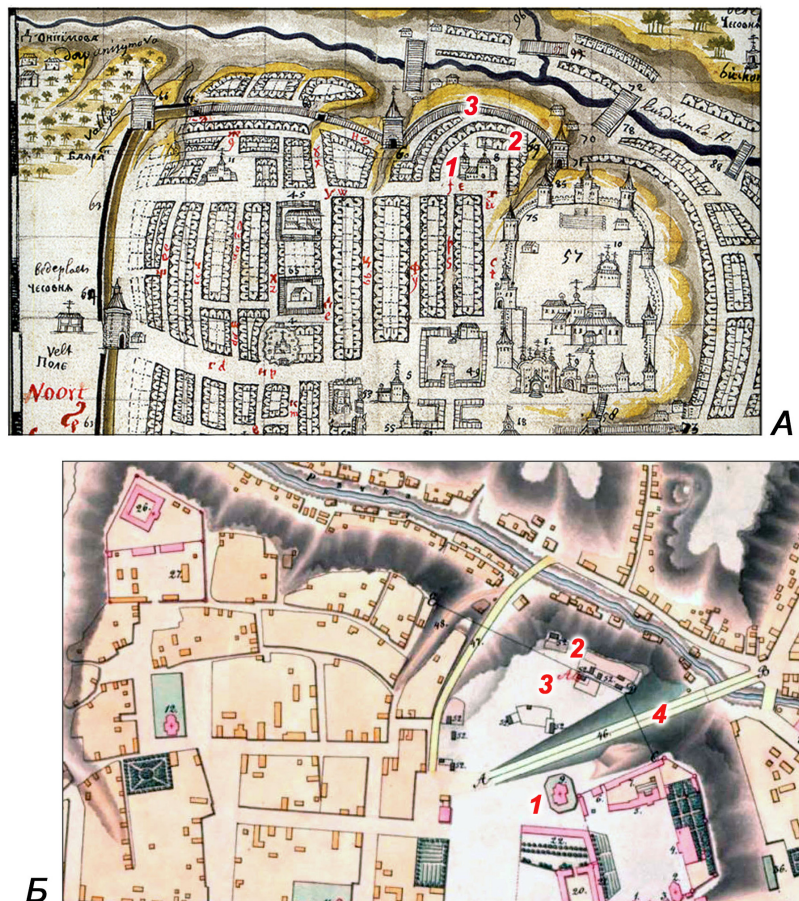
Fig. 1. The Chukman excavation in Tobolsk:

A — the location of the excavation on Cape Chukman; B — monument to Ataman Yermak; B — the plan of the excavation at the mainland level.

Детальная характеристика древнего городища дорусского периода, Никольской церкви с приходским кладбищем, а также укреплений острога, оставленных русским населением, отражены в серии публикаций [Адамов, Турова, 2017; Аношко, 2023; Данилов, 2014; Матвеев и др., 2012; и др.], в которых лишь упоминается о расположении посадской территории на мысу Чукман, без анализа исследованных раскопками построек. Цель статьи — обобщить имеющиеся сведения о функционировании здесь посадского квартала и дать характеристику полученного материала.

Исторические и картографические данные

В Дозорной книге 1624 г. отмечена плотная застройка мыса Чукман [Тобольск..., 1885, с. 4–8]. В летописях при описании последствий пожаров неоднократно упоминалось о нахождении в этом месте жилых дворов. Например, в Сибирском летописце зафиксировано, что в общегородском пожаре 1677 г. «Мая в 29 день, в 13 часу дня... от молнии... загорелся... дьяка двор, и от того двора меньшого дьяка по той же улице в Никольский проход, по трем улицам позади Софийского двора и около Никольской церкви к Казанским вратам мирских жилых дворов у всяких чинов людей 102 двора, и острог, что от собора к Николаю Чудотворцу... выгорели без остатка...» [Кузнецов, 1999, с. 89–90]. В Есиповской летописи в сообщении о большом городском пожаре 1701 г. также упоминается, что «на горе осталась церковь Николая Чудотворца да около той церкви 22 двора» [Есиповская летопись..., 1987, с. 106].

Рис. 2. Планы Тобольска:

А — фрагмент плана 1701 г. из «Чертежной книги Сибири» (1 — деревянная Никольская церковь, 2 — жилые дворы; 3 — стена острога); Б — фрагмент плана 1830 г. (1 — каменная Никольская церковь, 2 — дома под снос, 3 — место проектируемого памятника атаману Ермаку, 4 — Никольский взвоз).

Fig. 2. The Tobolsk's plans:

А — a fragment of the plan of 1701 from the "Drawing book of Siberia" (1 — the wooden St. Nicholas Church, 2 — residential courtyards; 3 — the prison wall); Б — a fragment of the plan of 1830 (1 — the stone St. Nicholas Church, 2 — houses to be demolished, 3 — the site of the projected monument to Ataman Yermak, 4 — Nikol'sky Vzvoz).

Территория мыса Чукман показана на нескольких планах Тобольска, составленных С.У. Ремезовым или представляющих собой копии его чертежей. Так, на плане с оборота 163 листа «Хорографической чертежной книги...» [2011, л. 163], отнесенном В.И. Кочедамовым [1963, с. 24] к 1688 г., в этом месте отмечены лишь Никольская церковь и посадские укрепления, а на широко известном плане города 1701 г. из «Чертежной книги Сибири» [2003, л. 3] кроме них также отражены «дома обывателей» (рис. 2, А). Они располагались рядами не только по периметру мыса, но и в его центральной части. С восточной и южной сторон постройки были ограничены острожной тыновой стеной, а с северной — деревянным храмом. При этом существовавшее при нем

приходское кладбище, судя по планировке, не могло занимать большого пространства в застройке мыса Чукман. Следующий по времени ремезовский план Тобольска, сохранившийся в составе «Служебной чертежной книги» [2006, л. 18], В.И. Кочедамов [1963, с. 70, рис. 39] датировал 1714 г., однако, с нашей точки зрения, этот вывод нуждается в серьезной проверке. С тем же 1714 г. В.И. Кочедамов соотнес другой чертеж города, сохранившийся в копии ученика инженерной палаты В. Исакова и, видимо, действительно восходящий к одному из ремезовских, но существенно отличающийся от упомянутого выше [Там же, с. 70, рис. 40]. На последнем, например, не показаны дома «городских обывателей» и заложенное в 1714 г. основание каменной Никольской церкви, а на плане В. Исакова они изображены, но отсутствует частокостроения острога. Из этого может следовать, что так называемый ремезовский план 1714 г. на самом деле старше, но эта гипотеза, повторяем, нуждается в серьезной проверке.

На плане Тобольска, выполненном сержантом В. Шапошниковым в 1763 г., в восточной и южной частях мыса Чукман отражены отдельные кварталы без разбивки на усадьбы; в северной, в его основании, все так же находился каменный Никольский храм, окруженный оградой, а в западной — свободное пространство, скорее всего занятое приходским кладбищем [Кочедамов, 1963, с. 75–77]. На чертеже города рубежа 1770–1780-х гг. из коллекции Георга Томаса фон Аша в интересующем нас месте фиксируется практически идентичная картина [Конев, 2017].

В целом можно сказать, что в XVII — второй половине XVIII в. Чукманский мыс был обжит тоболяками. Здесь располагались «обывательские дома» — судя по летописным источникам, чуть более 20 построек, что неудивительно, учитывая площадь мыса, занятую также Никольской церковью с приходским кладбищем. Однако на Генеральном плане Тобольска, утвержденном Екатериной II, составленном в 1784 г. тобольского второго батальона унтер-офицером Маламаховым, какие-либо постройки, кроме Никольской церкви, отсутствуют [Генеральный план..., 1784]. То же видим на двух планах 1784 г. с уточнением на 1794 и 1804 гг. [План губернского города..., д. 4, 5]. По мнению исследователей, изменения в планировке города, отраженные на данных чертежах, не соответствовали его реальному образу, а представляли собой перспективу развития, подразумевающую освобождение мыса Чукман от жилой застройки [Загороднюк и др., 2020, с. 60].

И действительно, в XIX в. произошли значительные изменения не только в градостроительной планировке мыса, но и в его конфигурации. Так, по историческим данным, расчистка территории от построек активно проводилась в 1805 г. перед запланированным, но так и не начавшимся строительством здесь здания семинарии; в 1824 г. — при сооружении дороги по более пологому и близкому к воде Никольскому взвозу, изменившему изогнутой форму мыса на более спрямленную; а также в 30-х гг. XIX в. — перед возведением памятника атаману Ермаку 23 августа 1839 г. (рис. 1, Б). Если в начале XIX в. жилых построек на мысу было 16 [Коньков, 2014, с. 162–163], то к 1830 г. на нем находилось приблизительно 10 дворовладений, расположенных хаотично на плане города этого периода (рис. 2, Б). Примечательно, что они обозначены под одним номером — «52» как дома, «назначенные к слому по непомещению их в... плане (1784 г.)», а под красной литерой А отмечено место проектируемого памятника атаману Ермаку. К 1 мая 1831 г. был поставлен срок разборки указанных дворов, за что владельцам тобольским полицмейстером было выплачено 1880 руб. [Данилов, 2016; Коньков, 2014, с. 162]. В 1859 г. на мысу Чукман был разбит сад, и он становится местом отдыха тоболяков. Окончательные изменения в его застройке отражены на губернском плане города 1860 г.: на оконечности мыса находится памятник Ермаку, а от него в северном направлении тянутся насаждения, продольные и поперечные прогулочные дорожки [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-154, оп. 21, д. 50].

Археологические исследования посадских строений

В 2008 и 2009 гг. в юго-восточной части мыса Чукман, у самой его бровки и прямо над р. Курдюмкой, был заложен Чукманский раскоп площадью 352 м² (рис. 1, А, В). В его границах удалось вскрыть довольно мощную пачку культурных отложений, а в их основании выявить несколько канав и ям, являвшихся остатками острожных укреплений, а также объекты, связанные с функционированием здесь частных домовладений.

Общая мощность культурных напластований варьировала от 1,1 м в тыловой части раскопа до 2,3 м у бровки мыса. Абсолютно точно датировать все имеющиеся здесь слои, конечно, невозможно, хотя часть из них, на наш взгляд, вполне правомерно соотносить с отдельными событиями городской истории [Матвеев и др., 2012].

Самым молодым из этих слоев являлся, естественно, дерново-гумусный, выступающий в данном случае не только как кровля пачки культурных отложений, но еще и как часть разбитого в

Чукманский раскоп в Тобольске

1859 г. на Чукманском мысу «Сада Ермака» [Кочедамов, 1963, с. 132]. Немногим старше выявленная под дерном и только в квадратах по самой бровке мыса неширокая полоса строительного мусора, включавшего куски извести, битый кирпич и т.п. Все это, несомненно, было сброшено под откос, в овраг, по которому протекает р. Курдюмка, после каких-то строительных работ, может быть даже связанных с сооружением памятника Ермаку и разбивкой сада в 30–60-х гг. XIX в.

К еще более раннему периоду относится залегающий по всей площади раскопа слой коричневой мешаной супеси мощностью до 1,2 м, разобранный пятью горизонтами. Для него характерна не только очень неоднородная микроструктура, но еще и то, что на разных уровнях он оказался разбит несколькими довольно мощными линзами извести и грязно-желтого суглинка, содержащими многочисленные фрагменты человеческих скелетов. Думается, что они могут происходить только с кладбища, которое существовало при находившейся на Чукманском мысу деревянной Никольской церкви. Разобрали здание деревянной церкви, видимо, после 1744 г., когда начал функционировать каменный храм, а существовавшее при ней приходское кладбище могло быть разрушено в течение длительного периода при многократной расчистке мыса Чукман от разных строений. Приведенные соображения позволяют датировать слой коричневой мешаной супеси вместе с разбивающими его прослойками извести и грязно-желтого суглинка временем примерно от середины XVIII до 30-х гг. XIX в.

Под описанным слоем на погребенной почве залегали два значительно более однородных горизонта серо-коричневой супеси, которые можно соотносить с остатками обнаруженных оборонительных сооружений. Мощность верхнего, насыщенного включениями угольков, достигала 0,3 м, нижнего — 0,6 м.

Остатки построек, ям от столбов и углублений хозяйственного назначения, не связанных с посадскими укреплениями, отчетливо фиксировались на уровне погребенной почвы (рис. 1, В). Они были заполнены в основном темно-коричневым либо коричневым грунтом с древесной трухой. Дадим их характеристику.

Сооружение 1. Его котлован, ориентированный по линии северо-запад — юго-восток, разделен на две части: юго-восточную — более широкую с пологими стенками, размерами 2,75×2,1 м, глубиной 0,9–1,1 м от уровня материка; и северо-западную — с отвесными стенками и покатым дном, длиной не более 1 м, шириной 1,25 м, глубиной от 0,4 до 0,8 м. В северном углу постройки зафиксирован узкий выступ длиной 1,0 м, шириной 0,55 м, глубиной 0,25–0,3 м. Находки представлены 58 обломками гончарных сосудов, четырьмя фрагментами кожаных изделий, а также железными дверной скобой и обувной подковкой. Данное сооружение являлось, скорее всего, остатками погребца, располагавшегося с юго-запада у жилой постройки 2. С ним связаны ямы №№ 4 и 5, вскрытые в 0,04–0,1 м к северу от его основного котлована.

Ямы №№ 4 и 5. Для них характерна овальная форма, их размеры 1,6×0,9 м и 1,3×1,1 м соответственно, глубина 0,65–1,1 м. Отделены друг от друга материковой перемычкой шириной 0,1 м. С западной и восточной сторон их котлованов отмечены ступеньки шириной 0,3–0,5 м, глубиной 0,1–0,25 м. Яма № 5 примыкала к юго-западной стенке сооружения 2. В этих углублениях обнаружены 56 черепков, 25 из которых от одного сосуда, кости животных, обломок стеклянной посуды, берестяная стелька и обрезок кожи.

Сооружение 2. Изучено не полностью, его северный угол оказался за пределами раскопа. Из-за понижения мысовой поверхности в северо-восточном направлении котлован постройки был впущен в материк на разную глубину, от 0,05 до 0,2 м, а его северо-восточная и юго-восточная границы вообще не были прослежены. Стратиграфические и планиграфические наблюдения позволяют предположить, что постройка была ориентирована по линии северо-восток — юго-запад, имела подпрямоугольную форму, размеры приблизительно 6,5–7,0×3,75–4,25 м. Вдоль юго-западной и северо-западной границ отмечены ступеньки шириной 0,2–0,5 м, высотой 0,05–0,1 м от дна котлована. Со срубной конструкцией сооружения 2 связаны остатки не менее четырех бревен плохой сохранности длиной 1,5–3,75 м, шириной 0,15–0,35 м и толщиной 0,1–0,25 м, расчищенных на разной глубине с северо-западной, юго-западной и юго-восточной сторон его заполнения. В восточной части постройки прослежены фрагменты трех венцов сруба, установленного непосредственно на погребенную почву. В ее заполнении найдены обломки пяти гончарных горшков, черепок фарфорового белого блюда с синим рисунком, скопление рыбьей чешуи, две кости животных, кожаная проколка и три железных гвоздя с подквадратным сечением. Следует отметить, что котлованом этого сооружения разрушены канавы посадских укреплений XVII в., что свидетельствует о его более позднем возрасте. По планиграфическим и стратиграфическим наблюдениям, оно, скорее всего, датируется первой половиной XVIII в.

Со всех сторон постройки, кроме описанных выше углублений, располагалось еще несколько ям.

Ямы № 1 и 9 от столбов. Имели округлую форму, диаметр 0,4–0,6 м, глубину 0,2 м от уровня материка. В центре ям обнаружены фрагменты столбов диаметром 0,2 и 0,3 м, в заполнении — четыре кости животных, часть кожного изделия и черепок из фарфора.

Ямы №№ 3, 6, 7 и 10 хозяйственного назначения. У первой из них изучена только восточная часть, длиной 0,8 м, глубиной 0,3 м от уровня материка. Вторая — овальной формы, вытянутой по линии северо-восток — юго-запад, размерами 0,75×0,55 м, глубиной 0,15 м. Из ее заполнения происходили три черепка, две кости животных и неатрибутированное каменное изделие. Котлованы третьей и четвертой ям, ориентированных по линии северо-запад — юго-восток, имели прямоугольную форму, размеры 1,6–1,9×0,35–0,9 м, глубину около 0,95 м. Отметим также, что яма № 10, обнаруженная в восточной части сооружения 2, перерезала одну из канав посадского острога. В ней найдены шесть обломков горшков, две кости животных и фрагмент кожного изделия.

Остатки посадских домов были обнаружены также на других участках мыса Чукман в ходе археологических исследований в 2012 г. [Матвеев, 2013; Данилов, 2016]. Всего было заложено три раскопа, общей площадью 66 кв. м. В западной части мыса исследован небольшой фрагмент сооружения с остатками сруба, заглубленного в материк. Данная постройка, по мнению исследователей, первоначально была жилой, но позднее ее использовали для содержания скота. Основная доля находок в ней отнесена к XVIII в. На южной оконечности мыса был расчищен угол срубной землянки XVII или XVIII вв., бревна конструкции которой сложены «в лапу». Таким образом, раскопками удалось зафиксировать жилые и хозяйственные сооружения в восточной, западной и южной частях мыса Чукман, что в полной мере соответствует историческим и картографическим данным.

Антропологическая коллекция

Антропологический материал на площади Чукманского раскопа имел переотложенный характер. Он представлен 305 разрозненными фрагментами отдельных костей скелета и черепов в основном взрослых индивидов и детей до 8 лет, обнаруженными в основном в верхней части культурных отложений, в слоях коричневой мешаной супеси и грязно-желтого суглинка (табл. 1). Судя по всему, они были сброшены на восточный край мыса и под гору при сносе кладбища, располагавшегося у деревянной Никольской церкви.

Таблица 1

Характеристика антропологической коллекции из Чукманского раскопа*

Table 1

Characteristics of the anthropological collection from the Chukman excavation

Антропологический материал	Распределение по горизонтам								Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	
<i>Senilis</i>									
Отдельные кости скелета					1				1
Череп без нижней челюсти (жен., 50–60 лет)			1						1
Череп (жен., 55–60 лет)				1					1
Нижняя челюсть (муж., 50–60 лет)					1				1
<i>Adultus, Maturus</i>									
Отдельные кости скелета	16	29	53	58	25	22	3	8	214
Нижние челюсти			1	3					4
Фрагменты костей черепа		1	3	4	4	2			14
Череп без нижней челюсти (муж., 30–35 лет)			2						2
Череп без нижней челюсти (жен., 18–35 лет)				1					1
<i>Juvenis</i>									
Отдельные кости скелета	2	1	2	5	2				12
Нижняя, верхняя челюсти	1					1			2
Фрагмент черепной коробки			1						1
<i>Infantilis II</i>									
Отдельные кости скелета	2		4	8			1		15
<i>Infantilis I</i>									
Отдельные кости скелета			8	8	4	3			23
Фрагменты костей черепа			3	4	1		1		9
Нижние челюсти	1		2	1					4
Итого	22	31	80	93	38	28	5	8	305

* Антропологические определения осуществлены научным сотрудником ТюмНЦ СО РАН О.Е. Пошехоновой.

Археозоологическая коллекция

По характеру раздробленности костный материал из Чукманского раскопа, представленный 2257 ед., является «кухонными остатками». Из них видовой состав определен у 1520 ед., среди

Чукманский раскоп в Тобольске

которых значительно преобладают кости домашних животных, а кости диких животных, птиц и рыб немногочисленны, чуть больше 1 % (табл. 2) [Пластеева, 2011, с. 231–234].

Видовой состав животных из Чукманского раскопа *

Таблица 2

Table 2

Species composition of animals from the Chukman excavation

Вид	Кол-во	%
Крупный рогатый скот	1182	77,8
Мелкий рогатый скот	61	4,03
Лошадь	13	0,85
Свинья	89	5,85
Собака	5	0,33
Кошка	1	0,06
Заяц-беляк	1	0,06
Волк	1	0,06
Лось	2	0,12
Млекопитающие неопр.	146	9,6
Птицы неопр.	17	1,12
Рыбы неопр.	2	0,12
<i>Итого</i>	1520	100

* Археозоологические определения выполнены научным сотрудником Института экологии растений и животных УрО РАН Н.А. Пластеевой.

Костный комплекс из Чукманского раскопа однороден на всех горизонтах культурных отложений и характеризуется высокой долей крупного рогатого скота (77,8 %) и низким удельным весом остальных видов: свиньи (5,85 %), мелкого рогатого скота (4,03 %) и лошади (0,85 %). Промысел диких животных не носил систематического характера (табл. 2). Данные показатели свойственны археозоологическим материалам из других раскопов, заложенных в исторической части Тобольска.

Характеристика материалов

С площади Чукманского раскопа происходит более 4 тыс. находок, большинство из которых обнаружено в слоях грязно-желтого суглинки и коричневой мешаной супеси, отложившихся, как уже отмечалось, в процессе расчистки территории от каких-либо строений. Поэтому при их вскрытии встречались разнородные в хронологическом отношении артефакты XVII–XIX вв. Материалы, происходящие из нижней части культурных отложений, в основном серо-коричневой супеси, заполнений котлованов жилых и хозяйственных сооружений XVIII в., канав посадских укреплений XVII в., представлены обломками гончарной посуды, небольшими фрагментами изразцов, кожаных изделий, главным образом обуви, а также единичными черепками фарфора, поливной керамики, отдельными железными, металлическими и костяными предметами. Несмотря на данное обстоятельство, комплексный анализ находок дает общее представление об особенностях материальной культуры тоболяков, проживавших в восточной части верхнего посада, недалеко от кремлевских построек, на Чукманском мысу до того момента, как он стал парком отдыха.

Самую массовую категорию составили обломки гончарной посуды (более 3 тыс. ед.), использовавшейся в повседневной жизни, для приготовления пищи и хранения продуктов. По морфологическим признакам обработано 563 черепка, среди них доминируют горшки — 92,36 % [Селиверстова, 2011]. Основная их доля приходится на хорошо профилированные сосуды средних размеров, горловина которых с округлым срезом с валиком или без него (рис. 3, 27). Лишь на некоторых горшках зафиксированы прочерченные горизонтальные линии, образующие два ряда у основания горловины. Встречены также сковороды (0,5 %) со следами нагара; миски (5,86 %), имеющие более тонкие стенки и хорошо заглаженную, местами залощенную поверхность; а также сосуды баночной формы (меньше 0,5 %). Особенность чукманской коллекции гончарной посуды состоит в том, что в ней зафиксирован большой удельный вес серо-коричневой керамики — 25,2 %, встречавшейся в нижних культурных напластованиях, в основном в серо-коричневом слое, связанном с периодом строительства и функционирования посадских укреплений XVII в. Ее мы относим к ранней группе, она более грубая, с плохо заглаженной поверхностью, обожженная неравномерно, черепки в разломе слоистые. Дно сосудов формировалось в виде цельной лепешки, затем уже к нему приставляли ленту на поверхности ручного гончарного круга. Эта техника свойственна домашнему кустарному производству.

Из комплекса битой посуды вычленяются и более дорогие, «нарядные» сосуды, покрытые поливой — зеленой, грязно-желтой, коричневой с черными разводами (рис. 3, 17), а также из фарфо-

ра и фаянса. Фарфоровая посуда в основном предназначалась для питья чая (рис. 3, 14–16, 18), а фаянсовая являлась столовой [Матвеев и др., 2011]. Фарфор в большей степени представлен обломками чашек, пиал, блюдца, а фаянс — фрагментами тарелок (табл. 3). Довольно большое количество экземпляров имели как монохромные, так и полихромные рисунки, которые на чашках наносились в основном с внешней стороны, а на блюдцах и тарелках — с внутренней.

Рис. 3. Предметы из Чукманского раскопа:

1–3 — кресты-тельники; 4 — чешуйка; 5, 6 — перстни; 7–8 — пуговицы; 9 — пряжка; 10, 11 — мундштуки; 12 — гребень; 13 — проколка; 14–16, 18 — обломки фарфоровой посуды; 17 — поливная керамика; 19, 20 — грузила; 21 — светец; 22 — нож; 23, 25 — полихромные расписные изразцы; 24, 26 — полихромные рельефные изразцы; 27 — горшок.

Fig. 3. Items from the Chukman excavation:

1–3 — pectoral crosses; 4 — scale; 5, 6 — rings; 7–8 — buttons; 9 — buckle; 10, 11 — mouthpieces; 12 — comb; 13 — piercer; 14–16, 18 — fragments of porcelain dishes; 17 — glazed ceramics; 19, 20 — sinkers; 21 — torch holder; 22 — knife; 23, 25 — polychrome painted tiles; 24, 26 — polychrome relief tiles; 27 — pot.

Среди растительных орнаментов на черепках из фарфора и фаянса преобладают разноцветные изображения на белом фоне стеблей, листьев, травных завитков, ягод, распустившихся цветов или бутонов. Геометрические узоры встречались реже и представлены в основном полосками, нанесенными по периметру сосуда, в ряде случаев они сочетались с растительными узорами. На одном обломке фарфоровой чашки отмечена композиция — поселок с одноэтажными домами и деревьями (рис. 3, 14). На двух битых фаянсовых тарелках зафиксированы фрагменты надписей зеленого цвета «Ф...РАТЬЕФ...» и «БРАТЬЕФЪ...НЫХЪ». Данные марки очень похожи на клейма фабрики братьев Рачкиных в 1840–1860 гг. или братьев Самсоновых во второй и третьей четвертях XIX в. [Марки фарфора, фаянса..., 2001, с. 198].

Распределение обломков фарфоровой и фаянсовой посуды Чукманского раскопа по морфологическим и функциональным признакам

Table 3

Distribution of fragments of porcelain and earthenware dishes from the Chukman excavation according to morphological and functional characteristics

Назначение артефакта	Фарфоровая посуда	Фаянсовая посуда
<i>Тип изделия</i>		
Чашка	8	—
Пиала	4	—
Чашка/пиала	3	—
Блюдце	7	1
Тарелка	—	8
Блюдце/тарелка	1	1
Стакан/кружка	—	1
Чайник	—	1
<i>Отдельные конструктивные элементы</i>		
Носик чайника	1	1
Крышка	1	—
Неатриб. (мелкие фрагменты стенок, днищ)	23	23
<i>Итого</i>	48	36

Представительную коллекцию составили обломки изразцов, всего 70 экз., при анализе которых удалось определить их местонахождение в печном наборе (табл. 4). 43 обломка являются стенными, в том числе угловыми, из них оформлялось зеркало печи; 12 — профильными поясами, применявшимися для выкладки горизонтальных рядов печной облицовки; три — перемычками, вставлявшимися в швы между стенными изразцами; и один — фигурным городком, украшавшим печную конструкцию сверху.

Таблица 4

Распределение изразцов Чукманского раскопа по их нахождению в печном наборе

Table 4

Distribution of tiles from the Chukman excavation by their location in the stove set

Типы	Городки	Стенные	Перемычки	Профильные пояса	Профильные основания	Неатриб.	Всего
Терракотовые рельефные	—	1	—	—	—	—	1
Терракотовые гладкие	—	1	—	3	1	—	5
Полихромные рельефные	1	13 (1 угловой)	—	2	—	6	22
Полихромные расписные	—	9 (3 угловых)	2	5	—	—	16
Монохромные гладкие	—	19	1	2	1	3	26
<i>Итого</i>	1	43	3	12	2	9	70

Небольшую часть составили терракотовые изразцы — 6 экз. Из них лишь один рельефный, украшенный заштрихованной лентой и растительными мотивами в виде стеблей и листьев, остальные — гладкие, неорнаментированные и покрытые известью. Не исключено, что последние использовались в одном печном наборе с другими типами.

Все полихромные изразцы можно разделить на две группы в зависимости от характера выполненного рисунка — объемные и плоскостные. На первые (22 экз.) нанесены рельефные изображения, покрытые непрозрачной эмалью (рис. 3, 24, 26). Их раскраска обычно трехцветная — зеленая, желтая и синяя. Самым распространенным мотивом украшения полихромных рельефных изразцов являются растительные узоры, в основном цветы в разной степени стилизации, иногда чередующиеся с геометрическими орнаментами. Для изделий этого типа характерен зеленый фон от светлых до темных оттенков, меньше обломков имеют белую либо желтую лицевую поверхность. Один экземпляр представляет собой верхнюю часть городка, имеющего форму ажурной пальметты, обрамленной узкими рельефными полосками синего и желтого цветов. На обломках можно встретить нечеткую проработку рельефа рисунков и цветовых переходов, подтеки эмалей, вздуывание поливы во время обжига. Все это дает основание считать, что обнаруженные нами в процессе раскопок полихромные рельефные изразцы были изготовлены именно в Тобольске. По общему характеру орнаментальных композиций они нередко напоминают москов-

ские изделия конца XVII — первой трети XVIII в. [Маслих, 1983], однако отличаются от последних в трактовке деталей и представляют более упрощенный вариант сюжетных изображений.

Вторая группа полихромных изразцов, представленная 16 экз., имела растительные и геометрические узоры, нанесенные в основном на белую гладкую лицевую поверхность, реже — на светло-зеленую или серо-голубую. Сами рисунки выполнены тонкими линиями либо имеют тонкую черную окантовку, в результате чего смотрятся более изящными и легкими, чем подобные им узоры на полихромных рельефных изразцах. Хотя на некоторых фрагментах рисунок размазан, имеются подтеки, что в очередной раз указывает на их местное производство. Набор растительных узоров стандартен — стебли, листья, завитки, распустившийся цветок или бутон, которые практически не подвержены стилизации и выглядят вполне реалистичными. Геометрические мотивы более разнообразны — горизонтальные, волнистые и зигзагообразные линии, заштрихованная лента, ряды бусин, колесо, относящееся к солярной символике (рис. 3, 23). На трех стеновых плитках обнаружены рисунки ваз, сохранившиеся не полностью. Они являются угловыми из одного печного набора и отличаются от остальных одноцветной фиолетовой росписью по белому фону (рис. 3, 25). Данные экземпляры имеют некоторое сходство с расписными изразцами московского и калужского производства, датированными второй половиной XVIII в. [Маслих, 1983, рис. 239, 276, 278].

К монохромным гладким изразцам без росписи, но покрытым блестящими поливами, отнесено 26 экз. Их палитра весьма скупа и представлена в основном двумя цветами — белым и серо-голубым. Реже встречаются плитки с зеленой лицевой пластиной, и лишь на две из них нанесена синяя эмаль. Они зафиксированы в тех же слоях и местах, что и расписные, а в ряде случаев и полихромные рельефные изделия, поэтому не исключено, что их могли изготавливать в одно и то же время и даже использовать в одном печном наборе. Следовательно, в доме жителя на мысу Чукман облицовка печи могла быть комбинированной: в ее верхней и центральной частях располагались нарядные полихромные изразцы, а на остальной площади — гладкие терракотовые плитки, которые, видимо, белились, судя по следам известки на их обломках, или монохромные, с поливой. Это позволяло значительно уменьшить стоимость, так как изразцы без орнамента и покрытия были более дешевым сортом, предназначенным для средних слоев населения [Черная, 2002, с. 60–64].

Из глиняных изделий на площади Чукманского раскопа также встречены четыре грузила, связанные с рыболовным промыслом. Одно из них цилиндрическое, с отверстием внутри для привязывания к сети (рис. 3, 20). Три других имели полудисковидную форму, диаметр около 8 см, с одной стороны — сквозное отверстие (рис. 3, 19). Они являлись частью кибаса, берестяная оплетка которого не сохранилась. К каменным изделиям отнесены обломок диска с отверстием в центральной части и точильный брусок.

Костяной инвентарь представлен как целыми экземплярами, так и фрагментами проколов (рис. 3, 13), двусторонним гребнем трапециевидной формы размерами 4,0×4,0–4,5 см, орнаментированным тремя прочерченными горизонтальными линиями (рис. 3, 12). Также обнаружены два костяных мундштука длиной до 5 см, с отверстием внутри, со следами копоты от длительного использования (рис. 3, 10, 11). На один из них нанесен орнамент, состоящий из прилегающих друг к другу колечек, расположенных по окружности, и пяти резных полосок. Надписей на трубках нет, но рисунок абсолютно идентичен тому, что изображен на фрагменте мундштука с фирменным знаком «GOURDA» из Второго Гостиного раскопа, исследованного к северу от Гостиного двора в Тобольске. Город Гауда с 1617 г. стал центром европейского трубочного производства.

Ассортимент железных изделий стандартен: кухонные однолезвийные ножи (9 экз.), без рукояток, с максимальным расширением лезвия до 3 см (рис. 3, 22), дверные петли и кольца, крючки, стержни, скобы, гвозди с подквадратным сечением, навесные замки, подковы, фрагменты ножниц, фигурный светец (рис. 3, 21) и другие предметы.

По обнаруженным в ходе исследований небольшим фрагментам кожи невозможно реконструировать одежду и обувь тоболяков. Найдены лишь головка сапога с округлым вырезом в носовой части, несколько хорошо сохранившихся каблуков из прошитых слоев кожи и защищавшие их от изнашивания семь железных подковок с двумя-тремя креплениями и отверстиями для гвоздей. Отметим также четыре железные пряжки, одна из них большая, трапециевидной формы, с подвижным стержневидным язычком — для широкого пояса; остальные, судя по небольшим размерам, не более 2,5 см, — для узкого ремешка.

В коллекции изделий из цветных металлов присутствуют: нумизматический материал (пять серебряных чешуек, несколько монет XVIII–XIX вв.) (рис. 3, 4), бытовой инвентарь (наперсток, накладки на сундук, конскую упряжь), две свинцовые пули диаметром 1 см на ножке, а также

Чукманский раскоп в Тобольске

предметы личного пользования. Среды последних охарактеризуем кресты-тельники, пуговицы и перстни. Из четырех крестов два имели простую форму, с прямыми, широкими либо узкими лопастями (рис. 3, 3). Их размеры без учета ушка 2,5×1,5 и 3,8×2,8 см. На лицевой стороне этих изделий в центральной части выпуклым рельефом изображен восьмиконечный крест, по бокам — копье и трость с губкой, у его подножия — гора Голгофа с головой Адама. На оконечностях горизонтальных лучей фиксируются надписи IC (Иисус) XC (Христос). На оборотной стороне помещен фрагмент молитвы. Данные нательные кресты имеют широкий круг аналогов, датируемых от XVII до начала XX в., встречающихся в разновременных археологических комплексах, частных и музейных собраниях. Третий крест четырехконечный, «лепестковый», с овальными, расширяющимися к концам лопастями и заостренными углами средокрестия (рис. 3, 1). Его размеры без учета ушка 2,5×1,65 см. Крест окантован очень тонким невысоким валиком. Выпуклые изображения на его лицевой стороне фиксируются слабо из-за низкого качества литья. Они представлены восьмиконечным крестом, стоящим на Голгофе. На левой и правой оконечностях выделяются круглые клейма, в которых, вероятно, располагались аббревиатуры IC, XC. Обратная сторона изделия гладкая. Судя по небольшим размерам, является крестильным или детским. Четвертый экземпляр с шарообразным орнаментом, представлен нижней частью изделия, украшенного по периметру ажурными пальметтами с исходящими от них лучами — шишечками (рис. 3, 2). С лицевой стороны зафиксирован фрагмент выпуклого изображения креста с косой перекладиной, стоящего на горе Голгофе. На конце нижней лопасти рельефно выделены подпрямоугольные и квадратные зоны с нечитаемыми надписями. Обратная сторона также поделена на квадратные зоны, содержащие затертые буквы либо растительные орнаменты.

Четыре пуговицы из Чукманского раскопа относятся к дисковидным, проушным, с литой петлей на обороте и выпуклым щитком диаметром от 1,2 до 2,6 см. В трех случаях пуговицы не имеют никакого орнамента на лицевой стороне (рис. 3, 7), и только один экземпляр украшен в центральной части цветком, а по краю — несложным плетеным узором (рис. 3, 8). Один из двух обнаруженных перстней имеет небольшие размеры, диаметр 1,2 см, растительный орнамент на щитке (рис. 3, 5). От другого сохранился лишь щиток с изящным рисунком — растительной виньеткой, окруженной округлыми углублениями (рис. 3, 6). Подобные изделия относились к массовому производству и предназначались для продажи не очень богатым слоям населения [Алиева, 2012, с. 100]

Заключение

Комплексный анализ материалов Чукманского раскопа демонстрирует синтез археологических, исторических и картографических источников, дает важную информацию для реконструкции планировки города на разных этапах его истории и способствует решению задач, связанных с изучением материальной культуры его жителей. По историческим данным, мыс Чукман был обжит тоболяками практически с момента основания города. Этот вывод подтверждают разновременные чертежи С.У. Ремезова XVII — начала XVIII в. и более поздние планы города. Археологические материалы свидетельствуют о том, что эта территория верхнего посада являлась частью жилищно-хозяйственной застройки. Судя по разнообразию находок, жители мыса имели достаточно высокий уровень материального достатка. В некоторых домах даже были установлены дорогие изразцовые печи. В целом можно сказать, что посадская территория на мысу Чукман никогда не пустовала в XVII–XVIII вв., отстраивалась вновь после пожаров, происходивших в этот период с чудовищной регулярностью, не менялась при очередных этапах строительства и разборки острожных укреплений или возведения каменной Никольской церкви. Лишь с начала XIX в. она стала приходить в запустение, так как по градопланировочной структуре Тобольска, утвержденной Екатериной II, подразумевалось освобождение мыса Чукман от жилой застройки, в результате количество жилых дворов сокращалось, поврежденные дома сносились и не восстанавливались. Этот процесс ускорился с момента сооружения Никольского взвоза в 1824 г., когда площадь мыса уменьшилась, и закончился в период возведения в 30-х гг. этого же столетия памятника атаману Ермаку. Во второй половине XIX в. здесь появился сад и это место становится рекреационной зоной города.

Финансирование. Работа выполнена в рамках госзадания Министерства науки и высшего образования РФ (№ FWRZ-2021-0006).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адамов А.А., Турова Н.П. Городище раннего железного века на мысу Чукман в городе Тобольске // Тобольск: Времена, события, люди. Вып. 5: Исторические науки / Отв. ред. А.И. Татарникова. Тобольск: ТKNС УрО РАН, 2017. С. 7–16.

Алиева Т.А. Некоторые данные о деталях костюма и украшениях тоболяков в XVII–XIX вв. // АВ ORIGINE: Археолого-этнографический сборник ТюмГУ. 2012. Вып. 4. С. 92–106.

Аношко О.М. Городские и посадские деревянные укрепления первого губернского города Сибири // Археология евразийских степей. 2023. № 6. С. 8–19. <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.8.20>

Данилов П.Г. Никольская церковь в структуре городской застройки Тобольска XVII–XVIII веков // Баландинские чтения. Т. IX. Ч. 1. Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2014. С. 56–60.

Данилов П.Г. Чукманский мыс в Тобольске: Этапы развития по данным истории и археологии // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 11 [Электронный ресурс]. URL: <https://human.snauka.ru/2016/11/17664> (дата обращения: 14.07.2025).

Загороднюк Н.И., Коновалова Е.Н., Роцевская Л.П. Планы города Тобольска второй половины XVIII в. как исторический источник // Геодезия и картография. 2020. № 11. С. 50–63. <https://doi.org/10.22389/0016-7126-2020-965-11-50-63>

Конев А.Ю. «Перспект города Тобольска» из коллекции Георга фон Аша: Архитектурно-художественный образ сибирской столицы XVIII века // Наследие Тюменской области. 2017. № 1 (7). 17–22.

Коньков Н.Л. Свидетели минувших лет: Тобольские места памяти // Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска»: 20 лет вместе. Тобольск: Фонд «Возрождение Тобольска», 2014. С. 149–179.

Кочедамов В.И. Тобольск: (Как рос и строился город). Тюмень: Тюм. кн. изд-во, 1963. 155 с.

Кузнецов Е.В. (гл. ред.). Сибирский летописец: Летопись конца XVII и начала XVIII столетия, веденная в Тобольске. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. С. 71–108.

Маслих С.А. Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. М.: Изобр. искусство, 1983. 245 с.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Клименко А.И. Остатки старинных тобольских укреплений на мысу Чукуман // АВ ORIGINE: Археолого-этнографический сборник ТюмГУ. 2012. Вып. 4. С. 76–91.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Сирюшова Н.Ф. Старинный фарфор и фаянс из культурного слоя Тобольска // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2 (15). С. 116–124.

Пластеева Н.А. Костные остатки животных из раскопок верхнего посада Тобольска // Экология древних и традиционных обществ: Сб. докл. конф. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. Вып. 4. С. 231–234.

Селиверстова Т.В. Русская гончарная посуда из культурного слоя Тобольска // Культура русских в археологических исследованиях: Междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во РГТЭУ, 2011. С. 369–377.

Черная М.П. Томский кремль середины XVII — XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск: Изд-во ТГУ, 2002. 187 с.

ИСТОЧНИКИ

ГБУТО ГА в г. Тобольске — Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И-154. Оп. 21. Д. 50.

Генеральный план города Тобольска. Соч. сообразно конфирмованного ее величеством блаженной и вечной славы достойные памяти государыней императрицей Екатериной Алексеевной второй, прошлого 1784 года января 16 дня с показанием на оном казенным каменным и обывательским строениям кварталы и поблизости одного города с пашнями деревень и протчего. Чертил Тобольского второго баталиона унтер-офицер Маламахов. Тобольск, 1784.

Есиповская летопись. Абрамовский вид // Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. С. 42–128.

Матвеев А.В. Отчет об охранных археологических исследованиях в зоне благоустройства Сада Ермака в г. Тобольске в 2012 году. // Архив ИПОС СО РАН. Тюмень, 2013.

План губернского города 1794 года // ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 21. Д. 4.

План губернского города 1804 года // ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 21. Д. 5.

Служебная чертежная книга: В 2 т. Т. 1. Факсимильное изд. рукописи Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Тобольск, 2006. 334 с.

Тобольск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М.: Тип. М.Г. Волчанинова (бывшая М.Н. Лаврова и К°), 1885. 144 с.

Хорографическая чертежная книга Сибири С.У. Ремезова: В 2 т. Т. 1. Факсимильное изд. рукописи Houghton Library of the Harvard College Library Harvard University. Тобольск, 2011. 350 с.

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г.: В 2 т. Т. 1. Факсимильное изд. М.: Картография, 2003. 102 с.

Anoshko O.M.

Tyumen Scientific Centre SB RAS, Chervishesky trakt st., 13, Tyumen, 625008, Russian Federation
E-mail: okanoshko@yandex.ru

The Chukman excavation in Tobolsk

This publication continues a series of articles introducing into scientific circulation findings of the archaeological research into the cultural layer of the first Russian provincial town of Tobolsk in Siberia. In the area of the Chukman excavation, laid in the southeastern part of Cape Chukman, in addition to fortifications of different periods, a section of the

upper trading quarter with housing and economic development was studied. A comprehensive analysis of archaeological, historical and cartographic sources made it possible to identify features of the planning structure of this territory during the 17th–18th centuries. This includes its gradual transformation into a recreational zone in the 19th century, (which still exists). The characteristics of the findings allow us to conclude that the inhabitants of the cape had a fairly high level of material well-being; i.e. some houses even had expensive tiled stoves.

Keywords: Tobolsk, upper settlement, 17th–19th centuries, residential and utility buildings, recreational area, artifacts.

Funding. The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (No. FWRZ-2021-0006).

REFERENCES

Adamov, A.A., Turova, N.P. (2017). Early Iron Age settlement on Cape Chukman in the city of Tobolsk. In: A.I. Tatarnikova (Ed.). *Tobol'sk: Vremena, sobytiya, lyudi. Vyp 5: Istoricheskiye nauki*. Tobol'sk: TKNS UrO RAN, 7–16. (Rus.).

Alieva, T.A. (2012). Some data on the details of the costume and the decorations of the Toboliaks in the 17th–19th centuries. *AB ORIGINE: Arkheologo-etnograficheskii sbornik*, (4), 92–106. (Rus.).

Anoshko, O.M. (2023). Urban and town wooden fortifications of the first provincial city of Siberia. *Arkheologiya yevraziyskikh stepey*, (6), 8–19. (Rus.).

Chernaia, M.P. (2002). *Tomsk Kremlin, mid-17th — 18th centuries: Problems of reconstruction and historical interpretation*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).

Danilov, P.G. (2014). St. Nicholas Church in the structure of urban development of Tobolsk in the 17th–18th centuries. In: *Balandinskiye chteniya. T. IX. Ch. 1*. Novosibirsk: NGU, 56–60. (Rus.).

Danilov, P.G. (2016). Chukmansky Cape in Tobolsk: stages of development according to historical and archaeological data. *Gumanitarnyye nauchnyye issledovaniya*, (11). (Rus.). URL: <https://human.snauka.ru/2016/11/17664>

Kochedamov, V.I. (1963). *Tobolsk: How the city grew and was built*. Tiumen': Tiumenskaia kniga. (Rus.).

Konev, A.Yu. (2017). “Prospect of the City of Tobolsk” from the collection of Georg von Asch: Architectural and artistic image of the Siberian capital of the 18th century. *Naslediye Tyumenskoy oblasti*, 7(1), 17–22. (Rus.).

Kon'kov, N.L. (2014). Witnesses of the Past Years: Tobolsk Places of Memory. In: *Obshchestvennyy blagotvoritel'nyy fond «Vozrozhdeniye Tobol'ska»: 20 let vmeste*. Tobol'sk, 149–179. (Rus.).

Kuznecov, E.V. (Ed.) (1999). *Siberian Chronicler: Chronicle of the late XVII and early XVIII centuries, conducted in Tobolsk*. Tyumen: Izd-vo Yu. Mandriki, 71–108. (Rus.).

Maslikh, S.A. (1983). *Russian tile art of the XV–XIX centuries*. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo. (Rus.).

Matveev, A.V., Anoshko, O.M., Klimenko, A.I. (2012). Remains of ancient Tobolsk fortifications on Cape Chukman. *AB ORIGINE: Arkheologo-etnograficheskii sbornik TyumGU*, (4), 76–91. (Rus.).

Matveev, A.V., Anoshko, O.M., Siriushova, N.F. (2011). Ancient porcelain and faience from the cultural layer of Tobolsk. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 15(2), 116–124. (Rus.).

Plasteeva, N.A. (2011). Bone remains of animals from the excavations of the upper posad of Tobolsk. In: *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv*, (4). Tiumen': Izdatel'stvo Instituta problem osvoeniia Severa Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk, 231–234. (Rus.).

Seliverstova, T.V. (2011). Russian pottery from the cultural layer of Tobolsk. In: *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: Mezhdistsiplinarnyye metody i tekhnologii*. Omsk: Izd-vo RGTEU, 369–377. (Rus.).

Zagorodnyuk, N.I., Konovalova, E.N., Roshchevskaya, L.P. (2020). The plans of the town of Tobolsk in the second half of the eighteenth century as a historical resource. *Geodezia i kartografiya*, 965(11), 50–63. (Rus.).

Аношко О.М., <https://orcid.org/0000-0002-6612-8707>

Сведения об авторе: Аношко Оксана Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

About the author: Anoshko O.M., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted 02.10.2025

Article is published: 15.12.2025